

УДК 821.111(71)

С.Н. Филюшкина

**СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ В ПОВЕСТИ ЭЛИС МАНРО
«СЛИШКОМ МНОГО СЧАСТЬЯ»**

Статья посвящена канадской писательнице Элис Манро (р. 1931), лауреату Нобелевской премии по литературе (2013 г.). Анализируются причины подобного выбора, обусловленного творческими заслугами автора, мастера произведений малого жанра, выпустившего начиная с 1968 по 2012 год около двадцати сборников рассказов разного объема. Писательница трижды получала очень престижную в Канаде Премию генерал-губернатора, трижды — премию О’Тенри, в 2009 году стала лауреатом международной Букеровской премии.

В преамбуле к основному материалу статьи дается общая характеристика творчества Э. Манро, ее сходства с Чеховым и отличия от русского писателя. Подчеркивается быстро возникший интерес русской критики к открывшемуся ей автору, что доказывается и материалами научных конференций, и публикацией интересных работ о Манро. Центральное место в статье занимают наблюдения и размышления над повестью, посвященной знаменитой русской женщине, выдающемуся математику Софье Ковалевской. При анализе этого произведения используются историко-литературный подход, культурологический и биографический методы, а также основные принципы теории автора и повествовательных форм.

Выявляются историческая основа произведения, реальные факты жизни Ковалевской и примеры субъективной трактовки ее образа, ее судьбы со стороны Э. Манро, выдвигающей на первый план любовные переживания героини и вопрос о возможности для нее подлинного счастья.

Особое внимание уделяется проблеме художественного своеобразия произведения. Манро в совершенстве владеет той манерой повествования от третьего лица, которую Фр. Штанцель определил как «figural situation», а Д. Затонский — как «рассказывание из перспективы героя».

женщина, любовь, математик, образ, повествование, счастье.

В 2013 году Нобелевскую премию по литературе получила канадская писательница Элис Манро (р. 1931). Первой реакцией российской общественности были недоумение и даже резкие выступления в отношении тех, кто присудил столь высокую награду Э. Манро¹. Возникло подозрение, что возобладали некая политическая конъюнктура, вмешавшаяся в оценку литературных произведений.

Вскоре, однако, подозрение было развеяно по причине отсутствия с нашей стороны исчерпывающей информации об Элис Манро, которую на русский язык

¹ Златова А. Почему Кучерская — не Манро // Литературная газета. 2014. № 21. 28 мая — 3 июня.

практически не переводили, тогда как в самой Канаде и даже в мире, она была одной из широко известных и читаемых авторов. Так, с 1968 по 2012 год вышло около пятнадцати сборников ее рассказов, с 1996 по 2004 год отдельно еще три собрания коротких рассказов. Э. Манро трижды получала очень престижную в Канаде премию генерал-губернатора, трижды ей присуждали премию О'Генри, в 2009 году она стала лауреатом Международной Букеровской премии, у нее много почетных титулов, среди которых звание Рыцаря искусств и литературы.

Российские переводчики и издатели поспешили исправить свою оплошность, выпустив в 2014 году в Санкт-Петербурге сборник произведений Э. Манро «Слишком много счастья», за ним последовали книги «Беглянка», «Ты кем себя воображаешь?», «Давно хотела тебе сказать» и др.

На Западе Элис Манро, мастера малой прозы, любят называть своим Чеховым. К этому мнению присоединяются и наши критики. Нельзя не согласиться, что канадского автора объединяют с русским гением демократизм, тонкий психологизм, часто скрывающийся за фиксацией бытовых деталей, «мелочей жизни», но в то же время, на наш взгляд, от А.П. Чехова Элис Манро отличает заметный интерес к патологии, к одолевающим персонажей комплексам, к теме безумия. Так, в рассказе «Измерения» отец семейства, поначалу проявлявший лишь деспотизм, категоричное навязывание своей точки зрения окружающим, в конечном итоге из-за не понравившегося ему совершенно невинного поступка жены убивает троих детей и попадает в дом сумасшедших. Внимание автора сосредоточено на тонких нюансах последующих отношений супругов. Другой персонаж из рассказа «Венлокский кряж» удовлетворяет свои не очень понятные потребности тем, что требует от доставляемых ему в дом девушек раздеваться догола и читать вслух стихи, тогда как сам он сидит рядом в полном одеянии.

В первом появившемся в нашей стране сборнике рассказов «Слишком много счастья» (2014) изображение подобных ситуаций не характерно для всех произведений писательницы, эти мотивы не являются самоцелью автора. Главное для Манро — показать психологическое потрясение чаще всего именно героинь, женщин, от обрушившихся на них неожиданных испытаний. Манро изображает ненадежность жизни, когда вдруг внезапно рушится, казалось бы, прочная семья, стабильные нормальные отношения. Рушится из-за вторжения кого-то, вроде и не несущего угрозу. Или когда ломается судьба из-за несчастного случая при выезде в лес. Следует подчеркнуть, что внешне вроде бы бытовой, частный случай под пером писательницы вдруг обретает намек на некое философское осмысление современного бытия людей, таящего в себе угрозу. И в этом плане творчество Э. Манро смыкается с позицией многих крупных писателей XX–XXI веков.

Отрадно отметить появление, хотя пока и небольших по объему, но глубоких по содержанию образцов литературоведческого прочтения отдельных произведений канадской писательницы в нашей стране. Такова, например, ста-

тя Н.Л. Потаниной «Русская тема в художественной прозе Э. Манро»², где автор делится своими наблюдениями над «чеховскими мотивами» у Манро, делает особый акцент на заметных в ее произведениях толстовских аллюзиях, отразившихся в сюжете, системе образов, психологических коллизиях, что убедительно демонстрируется на примере тонкого анализа рассказа «Жребий». Заслугой Н.Л. Потаниной является и то, что она одна из первых дала краткий обзор «отношений» между канадской знаменитостью и журналом «Иностранная литература», так или иначе отзывавшийся на творчество Э. Манро еще до присуждения ей Нобелевской премии.

Вышесказанное — ответ на упомянутые в начале наших размышлений довольно резкие выступления против канадского автора и Нобелевского комитета некоторых наших литераторов. Э. Манро интересна нам не только тем, что она пишет о своих соотечественниках, но и ее устойчивым вниманием к тому, что Н.Л. Потанина называла «русской темой». Наиболее наглядно последняя раскрывается, пожалуй, уже не в рассказе, а в повести «Слишком много счастья».

Канадская новеллистка из недолгой (сорок один год), но бурной жизни знаменитой русской женщины Софьи Ковалевской выбирает в хронологическом плане один, последний месяц. Это январь 1891 года с его первого числа до двадцать девятого, когда Софья Васильевна скончалась.

Повесть Манро, опубликованная в августовском номере журнала «Харперз» за 2009 год, начинается с описания прогулки героини и ее однофамильца Максима Ковалевского, блестящего эрудита, знатока языков, социолога, историка. Они бродят по старому кладбищу в Генуе, что вызывает грустно-шутливую реакцию Софьи, сообщающей, что пребывание среди могил первого января — дурная примета: «Один из нас не переживет этого года»³.

Высказывание подлинное, известное по другим книгам о С. Ковалевской. А в произведении Манро оно определяет начало фабульной линии, отражающей этапы возвращения героини из Генуи в Стокгольм, где она читает курс лекций и из которого на время отлучилась. Столица Швеции — единственный город в Европе, предоставивший кафедру женщине, приняв во внимание, что ее открытия определили ряд поворотных моментов в мировой математической науке. Предполагается, что читатель этот факт уже знает, но, характеризуя короткий стокгольмский период жизни героини — с 1888 по 1891 год, автор обращает внимание читателя на то, что именно тогда Софья и Максим подружились и сблизились. Налицо завязка любовной интриги. Отношения героев с самого начала предстают как ситуация «на качелях»: доводы в пользу их вероятного брака сменяются доводами его сомнительности.

Внешняя, фабульная линия — передвижение героини в наступившем 1891 году из Генуи в Канны, потом в Париж, Берлин и далее в Скандинавию — то намечается пунктиром, то включает в себя развернутые эпизоды — встречи Ковалевской с разными людьми: и с неприятными (например, с племянником

² Потанина Н.Л. Русская тема в художественной прозе Э. Манро // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 8/136. С. 122–127.

³ Манро Э. Слишком много счастья. СПб.: Азбука, 2014. 352 с. С. 274.

Юрой и его отцом в Париже), и с приятными (профессор Вейерштрасс в Берлине). Движущим началом в фабуле становится мотив слабеющего здоровья героини, чему способствуют плохая погода, бытовые трудности путешествия. В Стокгольме Софья возвращается совершенно больной и, прочитав одну лекцию, умирает от воспаления легких и застарелой болезни сердца.

Фабульное развитие периодически прерывается, а точнее тонет, в описании разных узловых ситуаций в жизни героини, воспроизведении ее переживаний, раскрытии отношений с окружающими, судеб последних. При этом хронологическая последовательность биографических вех, переломных событий, в которые вовлекаются Софья и ее близкие, с очевидностью нарушается. Так, среди дорожных впечатлений героини на пути в Париж ей вдруг является в полусне ее бывший муж Владимир Ковалевский. Он предстает уже умершим, среди других мертвецов и раненых, но вскоре сменяется фигурой старшей сестры Софьи Анюты, влюбленной в коммунара Жаклара, которому грозит гибель. Одна за другой нагромождаются интригующие подробности его спасения, в которых участвует прибывший во Францию отец сестер генерал Корвин-Круковский и опять-таки только что мелькнувший в полусне Софьи Владимир Ковалевский, ученый-палеонтолог, поначалу, в грозные дни Парижской Коммуны, озабоченный лишь древними окаменелостями и написанием монографии, но потом решившийся вдруг на рискованный шаг — освобождение политического узника, позднее оказавшегося, в трактовке Манро, неблагодарным.

Сама история отношений Софьи и Владимира (их поначалу фиктивный брак, позволивший девушке уехать для учебы за границу, их пребывание в Германии, возвращение в 1874 году в Россию, укрепление семьи, материальные трудности, разрыв и самоубийство Ковалевского из-за неудачной предпринимательской деятельности) вводится в повествование гораздо позже, отдельными упоминаниями, хронологически разорванными «кусками».

Ведущим художественным приемом у Манро является лаконичный обзор происшедшего, воспроизведение высказываний персонажей, диалогов, но особенно важную роль обретают своего рода «знаковые» детали, призванные подчеркнуть в развитии событий их высшую точку или итог. Так, чтобы ускорить брак с Владимиром и повлиять на колеблющихся родителей, юная Софья ночью приходит на квартиру к «жениху», сознательно компрометируя себя, и пишет об этом записку отцу, что и решает дело. В стихию «рассказа» о действиях героини вторгается зримая фиксация кульминационного момента: «В одиночестве шла она по петербургским улицам, по которым никогда не ходила без сопровождающих — слуг или сестры. Шла к Владимиру, жившему на бедной окраине. Он сразу же отпер ей дверь»⁴. Подобным образом срабатывает «знаковая» деталь при изображении знакомства Софьи с Вейерштрассом, крупнейшим немецким математиком, который поначалу принял Ковалевскую за назойливую посетительницу, преследующую меркантильные цели, а потом был поражен неожиданным подходом незнакомки к решению предложенных им задач. Ярким штрихом, вен-

⁴ Манро Э. Слишком много счастья. С. 306.

цом психологической реакции ученого предстает радостное осознание им того, что сидящая рядом девушка станет тем учеником, о котором он мечтал всю жизнь, тем, «кто не пойдет по пятам за ним», но «бросит ему вызов», кто «сам вырвется вперед»⁵. Мастер слова Элис Манро органично использует ту повествовательную манеру — от третьего лица, которую австрийский ученый Франц Штанцель назвал (в английском варианте) «figural situation»⁶, а Дмитрий Затонский, на наш взгляд более точно, определил как «рассказывание из перспективы героя»⁷. Хотя в повествование нередко вторгается и чей-то взгляд «со стороны» — Вейерштрасса, его сестер, свидетелей болезни и смерти Софьи, основным субъектом сознания в произведении Манро выступает сама героиня, через призму восприятия которой раскрывается мир. Ее душевные порывы, внезапные «вспышки» памяти, перебивая фабульное развитие, оживляют прошлое в его ярких картинах, «знаковых деталях», в его разных хронологических пластах.

Это один из ведущих путей обработки в повести того материала, на который опиралась канадская писательница, создавая образ Ковалевской. По ее признанию, она использовала письма Софьи Васильевны и другие документы, которыми поделилась с нею некая Нина, жена Дона Кеннеди, выпустившего в 1983 году в издательстве университета в Огайо книгу о С. Ковалевской. Вслед за Д. Кеннеди канадская новеллистка стремится воспроизвести психологический облик русской героини, отличительные черты ее незаурядной натуры, прежде всего склонность к метаниям: от науки — к художественному творчеству (пример у Манро — повесть «Нигилистка»); от рационализма математика — к игре воображения; от аскетизма ученого — к наслаждению обыкновенной человеческой жизнью с ее нехитрыми, но такими прекрасными радостями, без всякого беспокойства о каких-то «достижениях»; от отчаяния, вызванного самоубийством Владимира Ковалевского, и пребывания на грани жизни и смерти, к внезапному возрождению (устыдившись своей слабости, Софья просит листок бумаги и карандаш и погружается в дебри цифр).

В то же время многие важные вехи в жизни своей героини Манро обходит. Среди них — долгая борьба сторонников женщины-ученой за присуждение ей степени доктора наук, что состоялось только в Геттингене и только при условии отсутствия Софьи. Не получили отражения и разнообразные контакты Софьи с выдающимися общественно-политическими деятелями, писателями, путешественниками ее времени — Петром Лавровым, Генриком Ибсенем, Фритьофом Нансенем, и уж тем более ее интерес к социалистическим идеям, к работе Интернационала.

В отборе деталей, характеризующих героиню и ее окружение, очевидна тенденциозность. Так, в оценке Максима Ковалевского и его отношения к Софье явственно ощущается авторский негатив. Подобным образом в истории брака Владимира и Софьи больше внимания уделяется последнему периоду — их разговору, растущей неприязни мужа к талантливой жене. И почти обходятся

⁵ Там же. С. 209.

⁶ Stanzel F. Narrative Situations in the Novel. Bloomington; London, 1971. P. 24.

⁷ Затонский Д. Искусство романа и XX век. М.: Художественная литература. 535 с. С. 343.

первые контакты будущих фиктивных супругов, когда юная Софья, рвущаяся к знаниям и надеющаяся на поддержку мужа, вызывает у него умиление. В одном из писем он за глаза называет ее «воробышком», что, кстати, привлекло внимание Джона Кеннеди, назвавшего свою книгу «Воробышек. Портрет Софьи Ковалевской». Образ маленькой, неугомонной, упрямой птички мог бы и в повести Манро подчеркнуть последующее духовное развитие героини, значительность той личности, какой стала в памяти потомков Софья Ковалевская.

Примечателен и такой прием канадской писательницы. Стремясь подчеркнуть документальную основу своего повествования, она вырывает тот или иной реальный штрих из жизни Софьи или даже из ее душевного состояния на определенном этапе, фиксирует его, однако далее не развивает, не задерживается на нем, не удовлетворяет до конца интерес читателя. Так, упоминается о боли Софьи за родную страну, про которую, по ее собственному признанию, она забывала, в чем якобы и упрекала себя. Однако сама по себе напряженная, сложнейшая ситуация в России в последние десятилетия девятнадцатого века характеризуется в повести Манро очень скупо. Приводится также раздраженная реакция Софьи на доброжелательное, но такое скучное, предельно рациональное поведение шведских дам; как контраст, героине вспоминаются жаркие споры, чуть ли не до драки, в России и в Париже, но существо этих споров не раскрывается.

Эпиграфом к своей повести Манро избирает высказывание С. Ковалевской о том, что математика отнюдь не подобна сухой и бесплодной арифметике, что она требует фантазии, что математик неизбежно должен быть в душе поэтом. Развитие этого тезиса потом вкладывается в уста Вейерштрасса, на которого в тексте эпиграфа ссылается Ковалевская, не называя имени самого ученого. Но вот этого особого состояния математика-поэта, носителя Интуиции, которая, как вспышка молнии, может озарить все вокруг, Манро применительно к своей героине воспроизвести не пытается. Сами математические изыскания Ковалевской представлены Манро бегло, и с этим можно бы согласиться, поскольку предмет специфический, но акцент делается не на напряженную душевную жизнь героини-исследователя, не на значительность ее достижений как ученого, ее очередную победу (например, получение в Париже Борденовской премии), а на настроение, физические, эмоциональные переживания. Посвящая свое дневное время встречам с Максимом Ковалевским, Софья вынуждена готовиться по ночам к конкурсу на знаменитую премию. Неизбежному состоянию утомленности, нервного напряжения героини Манро противопоставляет ощущение ею праздника после победы в конкурсе — поздравления, цветы, шампанское, а потом и огорчение в связи с неожиданным отъездом Максима и его неприятным письмом...

Вместе с тем нельзя не заметить, что к концу повествования при изображении пути Ковалевской из Генуи в Стокгольм фабульные моменты становятся все более развернутыми, включающими в себя подробное описание спутников Софьи, заставляющее ее размышлять о человеческих судьбах, о различиях национальной этики. Изображается длительный диалог с безымянным доктором с острова Борнхольм, догадавшимся, кто его соседка по купе, и предупредив-

шим ее, что не надо ехать через Копенгаген — там эпидемия оспы. В дальнейшем именно на этой опасности все чаще сосредоточивается сознание героини. Автор задерживается на описании неприятных моментов во время путешествия, например когда у героини не оказалось нужной валюты, чтобы нанять носильщика, и она с трудом, чуть не опоздав на поезд, вынуждена тащить свои вещи в вагон.

В результате все настойчивее действия Софьи сопровождает тема тревоги и даже обреченности (предчувствия безымянного доктора, пытавшегося уберечь Софью от оспы, но потом с горечью узнавшего из газет, что она все равно умерла). Вместе с тем параллельно, с усилением тревоги, все более активно развивается парадоксально противостоящий этому мотив стремления героини к счастью.

Тема счастья поначалу незаметно, вроде бы случайно, намечается с первых страниц повести, порой окрашенная в грустную иронию, — таковы воспоминания героини повести Манро о дедушке и бабушке по материнской линии, которые обрели счастье и презирали тех, кто его не достиг. Минуты счастья отмечает Софья и в трудной судьбе сестры Анюты, подруги коммунара, чью общественную позицию героиня, в трактовке Манро, не разделяет. Ощущение счастья, как подсказывает Софье память, порой возникало у нее и в союзе с Владимиром Ковалевским, но наиболее настойчиво эта тема развивается в повести при раскрытии отношений Софьи и Максима, их вероятного брака, о чем героиня говорит с подругами и при последней встрече в Берлине с профессором Вейерштрассом, от которого она даже требует поздравлений.

Наивысшего переживания радости и полноты жизни Софья достигает при завершении фабульной линии, то есть прибыв в Стокгольм, в сценах, когда, заблудившись в плохо знакомой ей местности, в платянице и легких туфельках, она мечется по заснеженному городу, чувствуя себя в эти минуты невероятно счастливой: «Ноги промокли, но холод не чувствовался. Должно быть, из-за безветрия, а еще от радости, захватившей ум и тело. От счастья, о котором она раньше понятия не имела, но которое теперь ее никогда не покинет»⁸. И, наконец, последними словами умирающей Софьи, якобы услышанными кем-то из свидетелей, становятся именно те, которые Элис Манро ставит в заглавие произведения: «Слишком много счастья».

Вышесказанное позволяет предположить, что центральной коллизией произведения является проблема счастья героини, точнее его возможности для Софьи Ковалевской. Состоялось ли оно и чем оно могло быть обусловлено? В заключительных, стокгольмских, сценах, когда Софья, как уже отмечалось, чувствует себя наиболее счастливой, источник радости жизни для героини автором не определен. Налицо просто ощущение ею полноты бытия, что не связано ни с научными открытиями, ни с реализацией себя как личности.

Во время похорон Софьи опять возникает фигура Максима Ковалевского, возникает и намек на переключку между началом повести и ее завершением — в русле любовной интриги. Изображая в самом первом эпизоде новогоднюю

⁸ Манро Э. Слишком много счастья. С. 333.

прогулку пока безымянных мужчины и женщины, автор подчеркивает спокойствие, солидность, даже самоуверенность мужчины, который остроумен и телесно велик, «огромен»; в восприятии иностранцев он предстает «казаком и медведем». А на энергичном лице женщины порой проявляется «просящее выражение». Своеобразный — негативный — ответ на эту невысказанную просьбу героини можно уловить в речи Максима, произнесенной на похоронах Софьи. Он говорит по-французски, отстраненно, словно Софья была только его знакомым профессором, и благодарит шведский народ, предоставивший право русской женщине Ковалевской зарабатывать себе на жизнь... Ирония автора в адрес Максима здесь несомненна. В то же время, кратко обозревая его последующую жизнь как ученого и как яркого политического деятеля, Манро подчеркивает, что он так и не женился. Делать выводы, что-то предполагать она предоставляет читателю.

Авторскую позицию в повести «Слишком много счастья» можно было бы прояснить, рассматривая изображенную Манро жизнь Софьи Ковалевской в контексте судеб других героев канадской новеллистики, судеб, напряженных и грустных, в которых порой проявляется мотив психологической патологии, роковой роли непредсказуемых обстоятельств. Но это уже предмет особого исследования. В известной степени своеобразии мировосприятия писательницы определила в своей краткой рецензии на сборник рассказов и повестей Манро в «Литературной газете» Аглая Златова: «...некий внутренний стоицизм, уже на выходе, на дне, где остался осадок тайны и горечи; стоицизм, не гарантирующий светлый исход, нет, но обещающий некое жизнестойкое привыкание, терпение, приятие жизни, способное преодолеть отчаяние»⁹.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Затонский, Д. Искусство романа и XX век [Текст]. — М. : Художественная литература, 1973. — 535 с.
2. Златова, А. [Текст] // Литературная газета. — 2014. — № 21. — 28 мая — 3 июня.
3. Манро, Э. Слишком много счастья [Текст] : новеллы / пер. с англ. А. Степанова. — СПб : Азбука, 2014. — 352 с.
4. Потанина, Н.Л. Русская тема в художественной прозе Э. Манро [Текст] / Н.Л. Потанина // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — Тамбов, 2015. — Вып. 8/136.
5. Филошкина, С.Н. Проблема автора, точки зрения, повествовательной ситуации (на примере романов Дж. Барнса, Дж. Фаулза, Г. Свифта) [Текст] // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — Пермь, 2012. — Вып. 1/17. — С. 143–147.
6. Филошкина, С. Автор, герой, повествование [Текст]. — Saarbrücken (Deutschland) : LAP-LAMBERT Academic Publishing. — 100 p.
7. Kennedy, D.H. Little Sparrow: A Portrait of Sophia Kovalevsky [Text]. — Athens, Ohio : Ohio University Press, 1983.

⁹ Златова А. Почему Кучерская — не Манро.

8. Stanzel, F. Narrative Situations in the Novel. Tom Jones, Moby Dick, The Ambassadors, Ulysses [Text]. — Bloomington ; London, 1971.

REFERENCES

1. Filyushkina, S.N. Problema avtora, točki zreniya, povestvovatel'noj situatsii (na primere romanov Dzh. Barnsa, Dzh. Faulza, G. Svifta) [Text] [Problem of an author, point of view, narrative situation (on the example of novels by J. Barnes, J. Fowles, G. Swift)] // The bulletin of Perm state university. Russian and foreign philology. — Perm, 2012. — Vol. 1/17. — P. 143–147.
2. Filyushkina, S. Avtor, geroj, povestvovanie [Text] [The author, the hero of the narrative]. — Saarbrücken (Deutschland) : LAP-LAMBERT Academic Publishing. — 100 p.
3. Kennedy, D.H. Little sparrow: A portrait of Sophia Kovalevsky [Text]. — Athens, Ohio : Ohio University Press, 1983.
4. Manro, Eh. Slisikom mnogo schast'ya [Text] : novelly [Too much happiness: novels] / the translator from English is A. Stepanova. — SPb. : Azbuka, 2014. — 352 p.
5. Potanina, N.L. Russkaya tema v khudozhestvennoj proze Eh. Manro [Russian theme in prose Eh. Manro] [Text] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Series. Gumanitarnye nauki — The bulletin of the University of Tambov. Series. Humanitarian sciences. — Tambov, 2015. — Vol. 8/136. — Iss. 8/136).
6. Stanzel, F. Narrative situations in the novel. Tom Jones, Moby Dick, The Ambassadors, Ulysses. — Bloomington ; London, 1971.
7. Zaton'skij, D. Iskuststvo romana i XX vek [Text] The art of the novel and the 20th century. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1973. — 535p.
8. Zlatova, A. Pochemu Kucherskaya — ne Manro [Text] [Why is Kucherskaya no Monroe?] // Literary newspaper. — 2014. — N 21. — 28 May — 3 June.

S.N. Filyushkina

**SOPHIA KOVALEVSKY DEPICTED IN ALICE MUNRO'S STORY
“TOO MUCH HAPPINESS”**

The article focuses on a Canadian writer Alice Munro (born 1931), winner of the 2013 Nobel Prize in Literature. The paper analyzes the reasons underlying the nomination of the writer, who published about twenty various collections of short stories in 1968–2012. Alice Munro is a three-time winner of the Governor General Award, which is very prestigious in Canada. In 2009 Munro won the Man Booker International Prize.

The introductory part of the article centers on Alice Munro's work, it highlights similarities and differences between Alice Munro's style and Chekhov's one. It underlines Alice Munro's popularity in Russia, which is manifested through the publication of interesting works devoted to Munro and through the organization of research conferences devoted to the writer. The main part of the article focuses on the analysis of Munro's story dedicated to a famous Russian woman, an outstanding mathematician Sophia Kovalevsky. To analyze Munro's story, the author of the article uses historical and literary approach, culturological and biographical methods of research, the auteur theory and the modes of discourse analysis.

The author of the article investigates the historical background of Munro's story, Sophia Kovalevsky's real biography and the subjective interpretation of her image and her life by Alice Munro, who highlights romantic feelings of her character and her search for happiness.

Special attention is given to the literary originality of the story. Munro is a master of third-person narrative, which Franz Stanzel described as "figural narrative situation", and D. Zatonsky labeled as "narrative through characters' point of view".

woman, love, mathematician, image, narrative, happiness.